

ОТ СЛОВ К ДЕЛУ

Революции не «устраиваются» — они «происходят», когда процесс назревания вызывающей их духовно-исторической конъюнктуры достигает своего максимального развития. Нельзя «создать» массовый процесс: но можно для своей идеи использовать процесс, стихийно происходящий: то, что сделала в 17-м году группа большевиков. Успех или неуспех такого использования зависит прежде всего от того, каков характер происходящего стихийного (органического) процесса: творческий или разрушительный; ибо творческий процесс извергнет разрушительную идею — и творческая идея не найдет почвы в разрушительном процессе.

В истории редко бывают процессы чисто-творческие или чисто разрушительные. Обычно каждый распадается на две стадии: первую — разрушительную, и вторую — созидательную.

Первый период нашей революции (разрушительный) видимо завершается; этому завершению соответствуют сумерки коммунистической идеи, под знаком которой произошел развал старого мира. Сейчас мы видим, как идея находится на переломе: от марксизма к ленинизму, от ленинизма к сталинизму (какой еще «изм» впереди?), причем три четверти ее содержания рассыпалось и затерялось по дороге. То же и в жизни: разрушение, конечно, еще продолжается — но одновременно, под ним, под обломками начинает прорастать и новая жизнь (строительство). Где-то, очень недалеко — второй этап, — конструктивный. Наша Идея — Идея творческая; созидательный, творческий процесс ей по пути. Да к тому же она ведь не пасынок, не подкидыш на духовных путях нашей страны: недаром в мессианизм России верили все наши крупнейшие мыслители и проводники.

История работает на нас. Наша Идея — Идея России завтрашнего дня. Но как воплотить идею в жизнь? Не путем же овладения эмиграцией? Ведь вопрос будет решаться не здесь, а там!

Можем ли мы, молодые пореволюционные эмигранты, перебросить свою пропаганду в Россию? Конечно, в настоящих условиях — еще нет. Наша идеология только складывается, у нас еще мало людей, совсем мало денежных средств. При таких условиях мы не можем, даже в мечте, намечать свою тактику на всю Россию. Никакая нелегальная литература в нужных количествах туда не дойдет. Надо выбрать определенный социальный слой, — сосредоточить «идеологическую бомбардировку» на четко-ограниченной социально-политической территории — притом отдавая себя ясный отчет, что мы не найдем отклика в среде консервативной, пассивной и морально подавленной (например, крестьянство); такой «территорией» может быть только актив нации, выдвинутый стихийным процессом революции. Мы не оппортунисты, но мы должны искать именно активные элементы, так как наша Идея — максимально-активна (еще бы — идея российского мессианизма!) и динамична, — она предельно-революционна — или, может быть, даже за-предельно революционна (так как по-революционна); в аморфной среде наш голос никак не прозвучит.

Выбор свой мы сделали. И ставим вопрос так: как овладеть душами советской учащейся молодежи — кадрами новой, нарождающейся интеллектуальной верхушки нашей страны? Как помочь ей сознательно творить то великое будущее России и человечества, которое она сейчас, в лице комсомольцев, ударников, выдвиженцев — творит бессознательно, с громадной и нелепой тратой сил, энергии, крови, человеческих жизней, народного благосостояния? Ибо именно в овладении этой молодежью, в просветлении ее динамики национально-исторической Идеей — вся проблема ускорения национализации Революции...

Ясно, что ответ на поставленный вопрос выдвигает на первый план другую проблему: проблему наших кадров. Мы — застрельщики. Авангард. Передовой дозор. Где, из

кого пополним мы в эмиграции свои ряды — ряды тех, кто понесет в Россию **новое** слово освобождения? Конечно — «дерзновенны наши речи»...

Мы и сами знаем, что
...«на смерть осуждены
слишком ранние предтечи
слишком медленной весны»...

Но ведь эти соображения никогда не оставляли русскую молодежь...

Ибо в ней одной среди эмигрантов еще мог-бы пробудиться жертвенный порыв...

Но мы знаем, что из ее среды **нас услышат немногие**. Те, чья душевная (и духовная) «антенна» способна уловить в хаосе современности трагический ритм истории. Этой малой фаланге молодежи не надо «доказывать»: она сразу откликается, и даже не на аргументы, а на одни **утверждения**. Она уже сама, интуитивно, — созрела. Она чувствует крушение старого мира. Видит его неправду. Она слышит зов грядущего дня.

В эмиграции таких мало. Очень мало. И мы зовем именно их сплотиться и идти с нами — для совместного искания новых путей.

Каковы эти пути? Как ускорить нам осознание и оформление нового, пореволюционного мировоззрения? Как найти общий язык с нашими братьями в России? Сегодня еще братьями по плоти, — завтра — по духу?

Я ставлю этот вопрос нашим молодым, разбросанным судьбой по лицу земли: молодым эмигрантам. Пусть задумаются они над ним. Пусть отзовутся — статьей, заметкой, письмом.

Все ценнее — целиком или в выборках — будет напечатано. Мы рады будем вступить в переписку и с не-единомышленниками — ибо привыкли внимательно и непредвзято вникать во всякое искреннее и обоснованное суждение.

Но мы ждем от пореволюционной молодежи прежде всего попыток **точного анализа** положения, четких формулировок наших задач. **Реальных и конкретных** предложений.

От слов пора перейти к делу.

А. Яримдзе.

ВОСКРЕШЕНИЕ ТРОЦКОГО

На первый взгляд: что особенного в поездке Троцкого в Копенгаген? — Социал-демократические студенты пригласили его прочесть лекцию. Отставной «вождь» обрадовался случаю проветриться. Собрал чемоданы, друзей, жену — поехал... Но все-таки: совершают-ли для одной лекции, хотя бы и за счет богатых социал-демократов, путешествие вокруг всей Европы, такое сложное и дорогое? Месячное содержание целой семьи, ее охраны, специальные каюты и купе, отдельные паровозы, моторные лодки, автомобили. Что то необычное!.. Вдумайтесь дальше в те исключительные предосторожности, какими оказалась обставленной эта поездка. Неужели дело только в том, что этот «профессиональный революционер», «организатор Октября», предреволюционер и пр., и пр., на деле труслив,

как курица? Я читал в газетах отзыв одного из сопровождавших его полицейских агентов: «в жизни моей не видал ничего более трусливого». Я не склонен особенно брать под защиту личное мужество Троцкого. Но и только курицей я его не считаю. Правда, меры охраны своей особы он принимал всегда исключительные — как никто в Советской России. Помню: когда он был назначен Наркомпутем, то велел в Западном дворце, где помещалось путевское ведомство, пробить особый ход с улицы прямо в свой кабинет, чтобы входить и выходить незаметно. То же было и в Реввоенсовете. Любопытно, что когда потом Наркомпутем стал Дзержинский — человек, имевший не меньше, а, пожалуй, больше оснований бояться за свою жизнь, — он велел эту дверь заколотить, ходил там, где все, по самым